

МНОГОЧЛЕННЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА

Ахмедова Кямаля Шамиль Кызы
К.филол.н., доцент,
Бакинский Государственный
Университет

MULTI-COMPONENT COMPLEX SENTENCES AS ASYNTACTIC UNIT

K. Ahmadova

Annotation

This article deals with the aspects of the study of multi-component complex sentences in the syntactic theory. The article's author, underlining a distinct interaction of language and thought, writes that a sentence has two top goals – to be a unit of speech communication and to be a form of existence of thought. Sentence-model, sentence-expression, sentence-realization are created in implementation of these objectives as a result of a contact of the language with thought in all its forms. Ultimately, the sentence takes a structural form that may be used in the speech. The author also notes that the formation of multi-component complex sentences in the language must be understood as a result of a complex interaction of many parameters of the language-thought system. The article also includes examples from the works of eminent philologists and excerpts from the works of famous Azerbaijani writers.

Keywords: polynomial complex sentences, syntactic unit, speech communication, thought, structural form.

Аннотация

Эта статья рассказывает об аспектах изучения многочленных сложных предложений в синтаксической теории. В статье автор, отмечая неоспоримое взаимодействие языка и мышления, пишет, что, предложение имеет две высшие цели – быть единицей речевой коммуникации и быть формой существования мысли. При реализации этих целей создается предложение-модель, предложение-выражение, предложение-реализация в результате контакта языка с мышлением во всех своих формах. В конечном счете, предложение принимает структурную форму, которая может быть использована в речи. Автор также отмечает, что формирование многокомпонентных сложных предложений в языке должно быть понято как результат сложного взаимодействия многих параметров системы языка-мышления. В статье также в целях исследования приведены примеры из трудов выдающихся филологов и отрывки из произведений известных Азербайджанских писателей.

Ключевые слова:

Многочленные сложные предложения, синтаксическая единица, речевая коммуникация, мысль, структурная форма.

Многочленные сложные предложения (МЧСП) изучаются в синтаксической теории в различных аспектах. В некоторых исследованиях изучается форма этих единиц (количество компонентов и их структура), в некоторых – их внутреннее содержание (с точки зрения выражения "полной сложной мысли"), а в третьих – их особенность создавать тексты, и т.д.

Эти параметры главным образом занимают место в системе конститутивных показателей, а точнее они включаются в эту систему, для доказательства того, что МЧСП – это особое синтаксическое явление. Но эта система параметров, остается так называемым внутриязыковым квалификационным показателем, и должна быть принята как попытка осмысления МЧСП исключительно в рамках лингвистических признаков и свойств.

Исключительно лингвистический анализ во многих случаях, естественно не дает возможность представить себе МЧСП отдельно от системы ММС. Поэтому возможность доведения МЧСП до с информативной точки зрения осмысливаемого предела ММС, (с учетом "срубления периферических" компонентов) отмечается как серьезный факт, и МЧСП представляют как соединение слож-

ных предложений с минимальным составом в той или иной форме (1).

В этом смысле даже сложносочинённые предложения (конструкции с минимальным составом) иногда считаются не сложными предложениями, а совокупностью независимых предложений (2). Такие подходы основываются на том, что они рассматривают разрешение проблемы исключительно с лингвистической точки зрения, но, несмотря на это они обходят требование подчинения научного определения сложных предложений исключительно лингвистическими параметрами, и при формировании этого определения они также не упускают из виду роль законов мышления в формировании языковых структур. Можно представить в качестве примера определение сложному предложению данное К.М.Абдуллаевым:

"Сложное предложение – более обширное и всестороннее выражение определенного фрагмента реальной действительности – фрагмента, который требуется разместить в коммуникативном фокусе". (2).

Невозможно не говорить о взаимодействии языка и

мышления в плоскости выражения "реальной действительности". Предложение (простое, сложное и т.д.) имеет две высшие цели – быть единицей речевой коммуникации и быть формой существования мысли (3), и при реализации этих целей создается предложение–модель, предложение–выражение, предложение–реализация в результате кипения или контакта языка с мышлением во всех своих формах, и принимает структурную форму, которая может быть использована в речи.

А.Д.Наседкин отмечает, что язык является средством формирования мысли (идеи) и пишет: "Язык является необходимым условием существования мысли, и в этом, прежде всего, проявляется роль языка, как средства формирования мысли" (4).

Какой-либо говорящий субъект (субъект речи) формирует свои мысли, используя свойственный ему арсенал языковых структур. Будет неправильно искать многокомпонентные структуры в речи 5–6 летнего ребенка: ребенок может знать все нормы родного языка на уровне простых предложений, но он использует их только механически, "он использует их, не понимая". Для того, чтобы разговаривать "понимая", нужно "овладеть способностью регулировать" абстрактно – мыслительный процесс, потому что речь по своей структуре вовсе не является отражением мысли: "Речь не служит выражением готовой мысли... Мысль не выражается, но совершается в слове" (5).

Если мы будем основываться на том, что мысль "совершается" в предложении, то должны отметить что, формирование или "совершение" многокомпонентных сложных предложений в речи–языке должно быть понято как результат сложного взаимодействия многих параметров системы языка–мышления. На наш взгляд внутриязыковая трактовка этих конструкций никак не может быть адекватной. Потому что, если допустить возможность стилистической замены всех сложных предложений простыми распространенными предложениями, и на этом примере, возможность заменить все МЧСП ММС, тогда и впрямь надо считать, что все конструкции, которые стали сложными в синтаксической системе, кроме простого предложения, входят в арсенал периферических–вспомогательных средств языка и все они выполняют стилистические функции.

Такой подход подразумевает отказ от проблемы МЧСП. А отказ от проблемы не может быть аргументом не существования этой проблемы: МЧСП являются собой реальностью в системе языка–речи, они объекты со свойственной семантической структурой, синтаксические средства, питающиеся от истоков языка–мышления.

Творческая речь говорящих (пишущих) субъектов с нормальным мышлением не может состоять только из простых, или только из сложных предложений, или же только из МЧСП. Нет примера такого норматива письма в художественных произведениях. Текст является высшей формой речи. Будет правильно сказать, что нет такого текста, состоящего только из простых предложений,

или только из какой ни будь модели сложного предложения.

И это в первую очередь значить, что все указанные объекты предложения имеют "гражданский паспорт" в речи (нормальной, грамматически правильной речи).

А.С. Мельничук комментируя влияние абстрактных мыслительных категорий на структуру языка, структуризацию языковых единиц выдвигает следующее мнение: Основным стимулом общего развития языка, его семантических – предикативных единиц является то, что люди с высоким уровнем мышления не пытаются описать жизненные реалии во всех цветах, всесторонне и всегда реализуют свои желания, выражая эти факты в едином не делимом словесном комплексе.

В качестве примера автор приводит возникновение форм сложного существительного, и того, что не все эти языковые единицы создаются по одной модели: в некоторых случаях эти существительные создаются путем соединения слов, отдельно употребляющихся в языке и употребляются в абсолютно других значениях, а иногда создаются путем соединения не существующих в языке "лексемов".

А.С. Мельничук, характеризуя образование сложных предложений в структуре языка как факт, выявляющийся в процессе контакта языка–мышления, отмечает что, не стоит искать причины возникновения характерных для всех языков вопросительных, утвердительных и повелительных предложений в системе мышления, и этот факт является только результатом того, что язык выступает в качестве средства коммуникации.

Также не возможно доказать одностороннюю зависимость членимости речевого потока на предложения от процесса мышления на суждения (заклучения): "...возможность образования сложной мыслью, заключающих в себе ряд несамостоятельных простых суждений и выражаемых в длинных периодах, состоящих из ряда несамостоятельных простых предложений, свидетельствует о том, что в самой природе мышления не заложена обязательная членимость мысли на отдельные суждения, что в принципе любой целостный мыслительный процесс, независимо от его объема, мог бы осуществиться в виде единой сложной мысли, не распадающейся на самостоятельные суждения, если бы структура языка позволяла строить соответствующие распространенные предложения или периоды на 200–300 страниц (наше деление – К. Я.). Отсюда следует вывод, что членение речевого ряда на предложения обусловлено не членением мыслительного процесса на суждения, а тем фактом, что формальная схема автономного и относительно небольшого по объему предложения была сформирована и закреплена в качестве единственно возможной речевой конструкции в период становления языка, когда сложные мысли появлялись в голове человека еще слишком редко, чтобы вызывать формирование более сложных синтаксических конструкций..." (6).

Как видно, появление или формирование МЧСП в си–

стеме языка–речи не всегда связано с членением мыслительной единицы в речевом ряде, его объем (синтагматический рост) регулируется законами мышления.

Но наряду с этим, сложная целостность, неделимость мыслительного акта реализующегося в слове (предложении) является самым главным функциональным моментом закрепляющим "территориальную неделимость" семантической структуры этих полипредикативных конструкций.

Другими словами, принципы структуры МЧСП и его объем зависят от внутриязыковых закономерностей и ограничений, введенных языком.

Их семантическая структура главным образом реализуется на основе законов мышления. Сложно или вообще невозможно определить границу между языком и мышлением на уровне обобщенной семантики.

Это правда, что при представлении семантического описания МКСП, наряду со всеми другими его приметами нужно всегда учитывать его компонентное содержание и постоянные приметы семантического–синтаксического образа этих компонентов.

Здесь одной из главных моментов является то что, определение только компонентов конкретной конструкции (изолированной от контекста), определение функций этих компонентов и т.д. не являются задачами в процессе анализа МКСП. Здесь главной задачей является систематизация характеристик механизма формирования полипредикативной конструкции, правила "объединения в одно целое" значений, и оттенки значения компонентов на основе разного синтаксического охвата.

Следует отметить еще один вопрос. Не смотря на то с какой точки зрения мы характеризуем наш объект внимания, самым главным моментом является проблема определения его синтаксического образа (статуса). Другими словами, на наш взгляд следует ответить на следующие вопросы:

- ◆ В чем заключается языковая–речевая реальность МЧСП;
- ◆ Чем обусловлен тот факт, что они не являются механически–количественным вариантом ММС;
- ◆ Какова причина их невхождения в систему стилистических–текстовых фигур или категорий.

Какие аргументы должны быть считаться важными при определении синтаксической структуры МЧСП (как особая синтаксическая единица)?

Изолирование МКСП от общей системы ММС, на наш взгляд будет методологической ошибкой. Предикативные конструкции, которые являются объектом нашего исследования, пользуются стержнем ММС. Сложно представить язык с синтаксической системой, непосредственно переходящей от простого предложения в МКСП (без системы ММС).

Знаменитый тюрколог М.З.Закиев представляет синтаксическую систему как объект, состоящий из 11 этажей, и помещает ММС на седьмом слое (этаже). Он также размещает полипредикативные придаточные предложения на 8–9 этажах, и отдает десятый этаж конструкциям, соединяющимся с сочинительной интонацией и сочинительными союзами. На самом деле М.З.Закиев анализирует предикативные предложения с точки зрения ММС, и представляет их с точки зрения характеристик целостности ММС (7). Несмотря на это, автор делит МЧСП ("многочленные сложные предложения") на три группы, он пишет: "Наша точка зрения такова: многочисленные сложные предложения с точки зрения их структуры должны быть разделены на три основные разновидности–многочленное сложносочиненное предложение, многочленное сложноподчиненное предложение и многочленное смешанное сложное предложение" (8). Автор также представляет структурные модели конструкций входящих в эти группы. Но вопрос состоит не в классификации этих конструкций, а в представлении их в образе свободной синтаксической единицы. М.З.Закиев сопоставляет МЧСП со сложными синтаксическими полными, и таким образом определяет МЧСП как "сложные предложения, состоящие из трех или более компонентов".

В общем, логичность сопоставления МЧСП с ММС и определения спецификации первых вызывает вопрос. Потому что как мы уже отмечали, ММС обычно представляются как "соединение двух или более простых предложений". Сопоставление конструкций "с двумя или более компонентами" с конструкциями "с тремя или более компонентами" немного (мягко говоря) не к месту.

Так что, выступая с этой логики, ММС должны быть определены как единицы, состоящие из соединения только "двух простых предложений" (двух компонентов). Реальность языка–речи подтверждает это с материальной точки зрения: в нашем языке есть достаточное количество двух компонентных – сочинительных, подчинительных, бессоюзных – сложных предложений. И их сила в система языка–речи такая большая что, обычно процедура "снижения" компонентного состава МЧСП до уровня ММС с точки зрения количества и качества (семантики) фактически узаконивается.

Считается что, в большинстве МЧСП возможно "урезать" их периферические (с точки зрения понятности информации) компоненты, и эта процедура сокращения не наносит вреда общему семантическому состоянию предложения. На самом деле это не простое явление. "Сокращение" речи говорящего или пишущего, подвержение его трансформатическим изменениям может считаться возможным только как процедура структурного исследования, с точки зрения получения искусственных аргументов. Конструкция, используемая в тексте или речи, должна быть квалифицирована на основе реальной формы.

Упомянутый прием анализа может быть к месту в том случае, когда все или множество МЧСП могут быть сокращены и доведены до уровня ММС. То есть, в случае

появления одного критерия в процессе определения их конститутивной силы в системе самосоставляющих периферических компонентов – критерия, который мог бы играть дифференциальную роль в строении ММС в МЧСП и наоборот.

Давайте рассмотрим такой пример:

– Вдруг он захотел, не обращая внимания ни на что, отправиться в далекое село, как выпускник семинарии для мальчиков, работать учителем в начальной школе, ухаживать за своей мамой Лалой, и отвечать её мукам с достоинством подобающим сыну, и больше не оставлять женщину одной под черной крышей, стоящей на четырех столбах (С.Рагимов. Ана абидеси. Часть первая, глава третья).

Не смотря на возможность доведения этого предложения до состояния "компрессии" тем и или иным путем (можно "сократить" одну из четырех однородно-параллельных придаточных предложений), и не смотря на возможность доведения его до уровня ММС, исследователь не должен злоупотреблять этим приемом, не должен нарушать структуру (в первую очередь) языка-речи в замен иллюстрирования теоретических принципов выдвигаемых им.

Это предложение, как МЧСП, должно быть проанализировано как конструкция, имеющая одно главное предложение и цепь придаточных предложений, параллельно соединяющихся в определенном множестве, в первую очередь, хотя бы, потому что это предложение является творением выдающегося словесного мастера, и этот выдающийся литератор "знает место каждому слову", и он в ответе за каждое свое выражение.

Наш выдающийся писатель словно пытается на "одном дыхании", одним предложением отобразить коллизионные веревки, потрясения героя, и объединить весь спектр в одном фокусе – в МЧСП. И будто им приведенный пример недостаточен, он употребляет еще одну конструкцию, согласовывающуюся с другим МЧСП, другой конструкцией с помощью внутренних значений и групп лексико-грамматических элементов (отметим):

– Он [Фархад] не должен позволить Лале остаться одной под черной крышей, не должен оставлять ее [Лалу] уставившейся на возвышающийся деревянный дымоход, светящимися глазами в темноте ночи, "Посмотрим, когда небесное ликом осветится, посмотрим, когда утро разомкнет очи" – пусть скажет" (там же).

Фактически это предложение является продолжением предыдущего и звучит как последние аккорды нравственной драмы, отражающейся в предыдущем предложении (Фархада отправляют учиться в художественную академию – он живет в отдаленном селе с его больной матерью). Ни один из внимательных читателей этого романа, по нашему мнению, не может сказать, что возможно урезать какой-нибудь компонент этих предложений.

На самом деле, если возможно думать так, сложное предложение которое является подлежащим придаточного предложения со сказуемым "пусть скажет" в МЧСП (Посмотрим, когда небесное ликом осветится, посмотрим, когда утро разомкнет очи) мог бы выступить с одной частью: "Посмотрим, когда небесное ликом осветится – пусть скажет". Но эти два компонента ("Посмотрим когда...", посмотрим когда...") не обязательно являются синонимами, писатель хорошо знает последовательность "компонентов" этого явления природы и описывает его в естественной последовательности. В этот момент, вспомним слова известного русского филолога А.А.Потебня: "...Сложное художественное произведение наряду с тем, что является развитием единого главного образа, сложное предложение тоже является развитием единого чувственного образа" (9). Объясняя эту мысль А.А.Потебня пишет: "Способ постановки одной фигуры в поэтическом произведении заставляет фантазию не только присоединить к ней многие другие, но именно столько, сколько нужно для того, чтобы вместе с первой образовать замкнутый круг" (там же).

Коротко говоря, несмотря на то, что МЧСП, как языковая единица с позиции художественного стиля и внутреннего значения, являются насыщенными с точки зрения качества-количества "инновациями" ММС, они имеют особые роли и места в системе синтаксических единиц, и вовсе не всегда возможно их сократить и довести до объема ММС. Вышеуказанные примеры "используются" гипотетически в искусственной системе "стрелно-периферии". Но другая группа МЧСП делает такую операцию невозможной: все компоненты этих конструкций характеризуются как стержне-составляющие элементы, играющие конструктивную роль:

– [Шамама ханум] Правда в том, что, если его сестры меня уколят иголкой, я их проколю шампуром (Н.Вазиров. Позднее раскаяние плодов не дает. Третья сцена).

Конструкции МЧСП такого рода, функционально дают значение двухкомпонентного сложного предложения. Потому что смысловая структура главного предложения (в особенности "в том что" элемент сказуемого "требовательность") именно может оплодотворяться "единогласным" сосуществованием двух компонентов полипредикативного предложения последующих после главного предложения; главное предложение, не входя ни в какую смысловую связь с компонентом последующего за ним сложного предложения с условно-результативной связью, пополняется значением, порождающимся их обоюдным столкновением. Иначе говоря, конструктивная особенность приведенного примера заключается в его неспособности превращаться в минимальную конструкцию, невозможность сокращения какого-либо компонента. Так что, искусственный характер поиска "конструкции стержня", не существование практического результата этой процедуры явны.

"Срубление" МЧСП для определения ММС, нецелесообразность объявления периферическими тех или иных

компонентов, явно в структурном и смысловом единстве, в семантическом единстве паремических–афористических единиц.

Эти конструктивные единицы – не независимо от количества компонентов – не входят в вышеуказанный процесс анализа, и ни один исследователь не принимает их воздействия:

- Qalal| at|d|r - həm axurdan yeyər, həm torbadan (10).

- Yaxs|l|q elə, at dəryaya - bal|q bilməsə, xaliq bilər (10).

Как мы видим, определение минимальной конструкции паремических–афористических единиц, является не чем иным как исследовательским волюнтаризмом. Они должны быть исследованы в том объеме, в каком они используются. Неоспоримо что, паремистические–афористические единицы подвергаются "самосокращению", редукции, контаминации и другим процессам в результате исторической эволюции, но этот вопрос не имеет прямых связей с нашей работой. (Сравнит: Dad yar|mc|q əlindən=Anlayana da can qurban, anlamaza da - dad yar|mc|q əlindən (10)).

На этой фазе нашей работы мы только говорим о не-рациональности и теоретической неэффективности поиска минимального компонентного состава или минимальной структуры в МЧСП. По нашему мнению, если бы минимального стержня оправдывали бы себя и если бы имели достаточных аргументов во всех случаях (для всех типов предложения, с точки зрения семантики и структуры), то, несомненно, никак не было бы нелогично определить все МЧСП как контекстуальные расширенные варианты минимальных (состоящих из двух частей) сложных предложений.

Некоторые устные МЧСП подтверждают сказанное нами, и раскрывают свойственную внутреннюю эволюцию этих конструкций, и таким образом раскрывают особый их характер – и в некоторых случаях то, что они получили устойчивую стабильность.

Наши писатели с мастерством выражают на уровне речи персонажей законченность внутреннего логического значения конструкций, достигнув такого уровня компонентной стабильности, и диалектическую зависимость этого значения: они не используют знаки препинания между компонентами многочленного предложения (выражения) и таким образом представляют МЧСП в виде минимальных сложных или простых распространенных предложений.

Сравним:

1. [Видишь эту сукину дочь] Не говорил ли я тебе/если еще немного задержится здесь/сядет на нашу голову? (И.Шыхлы. Буйная Кура. Часть первая, глава первая);

2. Не знал / пойти ли на поминки / как пойти ли/как не пойти. (С.Рагимов. Гошгар кызы. Глава 13–я).

3. Огонь, пламя: поставишь на землю/сожжет землю, поставишь на небо/сожжет небо. Б.Байрамов. Неписанная книгаю Глава 18я).

Как видно, в абсолютных главных предложениях после таких как "Не говорил ли я тебе", "Не знал", отсутствие союза (что) и запятой, а также отсутствие знаков препинания после других компонентов (вертикальные линии), говорит не только о содержании словесной, разговорной речи и экспрессивных выражений в этих конструкциях, а также о приобретении ими характеристик стабильных синтаксических конструкций. А это в первую очередь значит что, существование МЧСП как отдельные, изолированные синтаксические единицы, должны быть измерены не с точки зрения их трансформационных перспектив, а с точки зрения гармонии их внутреннего значения и формальных параметров, должно быть измерено тем фактом, что они приобретают особую структурно–семантическую стабильность. А для этого нужно принять во внимание величественную разноцветность фактического материала языка, и его конструктивную гетерогенность (разнородность).

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкина В.А. Сложное предложение в современном русском языке. М.: Просвещение, 1967, 58с.
2. Abdullayev K.M. Azərbaycan dili sintaksisinin nəzəri problemləri. Bakı: Maarif, 1998, 128–129 s.
3. Адмони В.Г. Содержательные и композиционные аспекты предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975, 6 с.
4. Наседкин А.Д. Язык как средство формирования мысли // Язык и мышление. М.: Наука, 1967, с. 70.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь // Л.С.Выготский. Собр. Сочинений в 2–х томах. Т.2, с.307.
6. Мельничук А.С. О роли мышления в формировании структуры языка // Язык и мышление. М.: Наука, 1967, с.80–81.
7. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка. Казань: Изд. КазГУ, 1963, 330–337 с.
8. Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка. Казань: Изд. КазГУ, 1963, 413 с.
9. Потебня А.А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976, 188с.
10. Ə.H. Atalar sozu. Bakı: Yazıçı, 1985, 175 s.